Текст · 1 июля 2021, 08:02
Дмитрий Швец,

Огни в Ярково. Почему присяжные не поверили в поджоги машин и домов тюменских чиновников

В поселке в ста километрах от Тюмени один за другим вспыхивают пожары — горят машины и дома местных чиновников. Следственный комитет задерживает подозреваемых и те быстро признаются — да, они были поджигателями, мстили за бюрократические препоны. Дело передают в суд присяжных, и через год следует полное оправдание — показания, полученные под пытками, оказались слишком противоречивы.

В течение полугода в поселке Ярково[1] Тюменской области с местными чиновниками произошло несколько крайне неприятных инцидентов.

Началось все в ноябре 2018 года с проколотых шин. Лев Курбатов, директор компании[2], предоставляющей администрации услуги оценки строительных работ, поехал на объект — он должен был проверить, как выполнен контракт по обслуживанию скотомогильников. Качество работ его не удовлетворило. Вернувшись к машине, он обнаружил, что все колеса порезаны.

Через несколько дней главу районной администрации Евгения Щукина разбудила жена — у ворот дома горела ее машина.

В начале мая следующего года замглавы администрации Владимир Федоров тоже проснулся посреди ночи — на своем участке они с женой обнаружили две дымовые шашки, а в доме, по словам чиновника, кто-то выбил два окна.

Через несколько недель ночной пожар случился в доме Любови Поляковой, новой исполняющей обязанности главы района: сначала вспыхнули стоявшая за участком машина и дровяной сарай, огонь перекинулся на жилой дом, сгорела крыша.

В этих пожарах никто не погиб. Но последний инцидент Следственный комитет начал расследовать как покушение на убийство[3].

Пострадавшие, а следом за ними и другие опрошенные районные чиновники, стали жаловаться следователям на семейство Нигматуллиных — местных предпринимателей, которые выигрывали муниципальные контракты, некачественно их выполняли, но все равно требовали оплату работ, а на отказы реагировали угрозами, намекая и на поджоги.

Наутро после пожара у Поляковой Валерий Нигматуллин и его старший сын, 22-летний Евгений, собирались купить металлоискатель. Их задержали на улице. На свободе осталась жена бизнесмена Людмила с двумя маленькими детьми, ей присвоили статус свидетеля.

К 25 мая, когда районный суд отправил отца и сына под арест, следователи уже добились от них признательных показаний, а рассказы

двоих близких знакомых подтвердили причастность Нигматуллиных к поджогам.

Видео на YouTube

YouTube

Задержание

@бывший опер

https://youtu.be/dcFRzFkoRnQ

В первом ноябрьском поджоге автомобиля следствие обвинило сына предпринимателя — он решил отомстить за родителей, которым не дают зарабатывать. Второй пожар, майский, по версии СК тоже на совести Евгения Нигматуллина, только на этот раз план предложил его отец.

22 мая Людмила Нигматуллина арендовала машину и приехала на ней на базу Нигматуллиных — это огороженная забором территория у шоссе рядом с поселком Щучья по пути из Тюмени в Ярково, где стоит техника семьи предпринимателей.

Евгений в тот день отдыхал на базе со своим другом Николаем Ивановым после ночи в сауне, и в тот же день слил в емкость солярку из старого грузовика, которую припрятал ближе к Ярково.

Вечером приятели на машине, которую арендовала мать, выдвинулись домой в Тюмень, но на повороте Евгений попросил поехать не в город, а в Ярково и посреди дороги потребовал остановиться. Отлучился минут на 40, попросив друга ждать его на месте, затем вернулся. Товарищи поехали домой, и по пути на расспросы о причине отлучки Евгений признался, что

ходил поджигать дом главы района — так говорилось в показаниях его друга Иванова, он остался в деле свидетелем.

Что касается порезанных колес инспектора, в этом признался Владислав Пальянов, работавший у Нигматуллиных водителем. Уголовное дело по этому эпизоду возбуждать не стали, Пальянов тоже остался свидетелем.

С такими доказательствами суд отправил Нигматуллиных в СИЗО, где они провели год, дожидаясь суда присяжных.

Просто бизнес

Валерий Нигматуллин, как и его жена Людмила, родились и выросли в Ярково, здесь же они ведут бизнес: развозят торф и другие удобрения. С 2018 года они взялись за выполнение муниципальных контрактов — выигрывали на открытых конкурсах.

Вскоре после заключения первых контрактов, в феврале 2018 года у Нигматуллиных на базе загорелся большой сарай с жилым помещением, но уголовное дело не было возбуждено.

Работа с ярковскими чиновниками, говорит Людмила, постоянно сопровождалась какими-то трудностями, но переносить свою работу в другие районы бизнесмены не хотели — здесь у Нигматуллиных вся техника, здесь они всех знают.

Заказчики то «разбивали» один большой контракт на несколько маленьких, говорит Людмила, то не

согласовывали выдачу знаков для ремонта дороги, то не заключали контракт, потому что в заявке «стояла роспись Нигматуллина Валерия, а не ИП Нигматуллина Валерия»

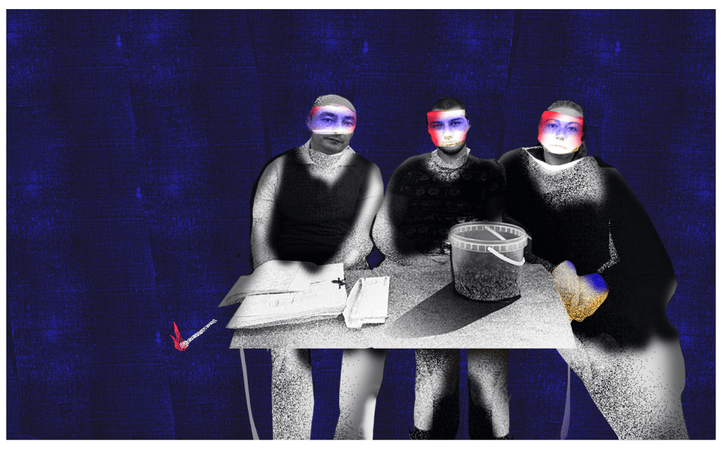

Иллюстрация: Виктория Шибаева / Медиазона

«И вот все вот такое!» — возмущается она, полагая, что таким образом чиновники продвигали интересы компаний, близким к администрации района. Но, уверяет предпринимательница, при разрешении споров с властями Ярково надзорные ведомства вроде ФАС[4] принимали сторону Нигматуллиных.

Осенью — весной, когда случились пожары у чиновников из Ярково, Нигматуллины выполняли три муниципальных контракта на 11 млн рублей: обустройство скотомогильников, зимних дорог и ледовых переправ.

Сотрудники районной администрации рассказали следствию, что Нигматуллины исполняли контракты крайне недобросовестно: дороги не чистились, скотомогильники делались из старых материалов и так далее — ответственные отказывались принимать работы. Вдобавок Нигматуллины в этих показаниях выглядят довольно зловещими.

Евгений Щукин, первый глава районной администрации, утверждал, что Нигматуллина

предупреждала его: с «ними надо договариваться» и дружить.

Начальница управления капитального строительства Валентина Игнатьева пересказывала угрозы предпринимательницы — что чиновница будет подписывать акт приема работ «трясущимися руками», а однажды на очередной отказ перевести деньги кто-то из семьи предпринимателей посоветовал ей «ждать жарких выходных».

Чиновница вспоминала, что боялась ездить на машине, потому что Нигматуллин-старший постоянно обгонял ее на большой скорости, а в какой-то момент женщине пообещали, что ее теперь часто будут сопровождать подобным образом.

Замглавы администрации Владимир Федоров уверял, что после очередного звонка с требованием заплатить Людмила Нигматуллина сказала: «Я вам больше звонить не буду, если денег не будет, то будете спать стоя». В апреле 2019 года он заметил, что за ним постоянно ездит машина, на пассажирском сиденье которой сидел Нигматуллин-старший. Вскоре утром, когда Федоров с женой ехал на своей машине, в них врезался «Иж Ода», которым управлял Пальянов — водитель Нигматуллиных — а на пассажирском сиденье был сын предпринимателя. Незадолго до этого, со слов Федорова, Нигматуллин-старший перегородил ему дорогу трактором на ледовой переправе и предупредил, что протаранит его машину. Чиновник говорил даже, что предприниматель прямо угрожал поджечь его дом.

Конфликт все это время был в какой-то степени публичным: Нигматуллины еще в январе 2018 года стали жаловаться агентству ТюменьPRO на препоны. Под одной из публикаций на сайте инспектор Курбатов решил отстоять позицию чиновников — Нигматуллины «лезет на аукционы и выигрывает», а ведь его ИП не может выполнять такие работы. В длинном комментарии он перечислил десятки претензий[5]:

«Нигматуллин закопал б/у трубы а просит оплатить как за новые предусмотренные сметой. Использовал при строительстве б/у шифер на навесах имеющий старые отверстия от гвоздей и трещины сколы и выцвевшие места на солнце в местах перехлеста».

С ним принялся спорить пользователь «миша», защищавший предпринимателя. «Судя по 20 ноября он очень лоялен по отношению к вам на первый раз.а могло быть.как говорят и дым и огонь.в прямом смысле слова», — писал он.

В этот день, 20 ноября, Курбатову прокололи колеса машины. «Дым и огонь» появились 26 числа — в этот день кто-то поджег автомобиль Щукина, на тот момент — главы районной администрации. Щукин публично объявил, что считает именно Нигматуллиных ответственными за поджог, даже было возбуждено уголовное дело, но подозреваемым тогда никто не стал.

В начале 2019 года Щукину назначили три года лишения свободы по обвинению в превышении полномочий[6], исполняющей обязанности главы районной администрации стала Любовь Полякова.

Тогда в арбитражном суде рассматривались дела о выплатах Нигматуллиным денег за работы. Полякова говорит, что лично ей никто не угрожал, но, зная об отношениях предпринимателей с другими чиновниками, она в мае застраховала свое имущество на 2,4 млн рублей. Вскоре оно сгорело, а Нигматуллиных арестовали.

Другие способы получить ожоги

На заседании Ярковского районного суда по аресту Нигматуллин-старший отказался от признательных показаний. Его сын вину в поджоге признавал, но настаивал, что не хотел никого убивать, мать молодого человека выступила в качестве свидетеля.

— Ну как вы думаете, что все-таки он частично признался в совершении преступления, что способствовало вот этому обстоятельству? — спросил ее адвокат по назначению Мейрамгалей Телемисов.

— Ну это потому, что ребенка уже действительно замучили вот эти все семейные проблемы, он это все видит, он это все слышит, потому что бесконечные вот эти денежные, финансовые долги. Невозможно смотреть на слезы матери, когда мы не спим ночами и думаем, как нам отдать долги за административный иск, — отвечала Людмила Нигматуллина.

Позже, говорит предпринимательница, от услуг адвоката Телемисова семья отказалась: Людмила решила, что юрист, находясь в одном здании с сыном, слышал, как тот кричал от боли во время пыток, и ничего не предпринял — так Нигматуллина уверилась, что адвокат действовал на стороне следствия. Сам Телемисов это отрицает и напоминает, что вскоре после ареста подзащитного рассказал журналистам про заявление о пытках.

«Он [Евгений Нигматуллин] в заявлении указал, что его пытали током, лишали воздуха. В беседе со мной Евгений рассказал, что провода подводили к мокрым ногам. Под пытками он дал признательные показания на своего отца, что якобы они вместе совершили поджог с целью убить Полякову. Как только он попал в СИЗО, через администрацию эту жалобу и передал», — говорил юрист.

Нигматуллин-старший вспоминает, что его поначалу током не били, только подготовили к этому: положили животом на скрученный валиком матрас, сверху поставили стул, руки скрепили бумажными листами и скотчем, сняли штаны. Так, лежа в маске, Валерий, по его словам, несколько часов слушал крики сына — за это время ему в задний проход ввели холодный металлический предмет, а к мошонке прикрепили прищепку.

«Самое что интересное в этом вопросе, когда тебя пленили, ты в какой-то степени испугался, тебя тащат, и в этот момент ты потеешь, какая-то уже гигиена нарушается. И ведь лезут прямо в задницу, она взмокшая, все это несвежее в этот момент, и чувствуется, что прямо руками копаются. Не знаю,

с перчатками или нет, может целлофановые, но тепло человеческое чувствуется. Чувствуется, что холод металла, а здесь вот кто-то ковыряется, что-то живое», — удивляется предприниматель.

После начала пыток Нигматуллину-старшему несколько раз предлагали подписать признание, говорили, что нужные показания уже дал друг его сына.

«Они говорят, сейчас мы тебе сварим простату, а потом тебя все равно в тюрьму увезут, и там она у тебя воспалится, и ты не сможешь ходить ни в туалет, ничего, и там тебя лечить некому, ты просто умрешь от внутреннего воспаления, от всего прочего. Вот это больше убивает», — говорит Валерий.

Его сын впоследствии сказал родным, что решился дать показания, когда оперативники пригрозили, что «притащат сюда мамашу, и ты увидишь, как у нее волосы будут выпадать от тока». Друг Евгения, Николай Иванов, признался, что дал показания под пытками, то же сделал водитель Нигматуллина Александр Пальянов.

Следствие длилось полгода, после ареста Валерия и Евгения продлением стражи занимался другой суд. Дело в том, что в Ярковском суде работают трое судей: председатель суда Владимир Тольков, а также Елена Ермакова и Анастасия Бабушкина. Решение об аресте принимал Тольков, и после этого потерпевшая Полякова подала ходатайство о его отводе, поскольку Полякова лично знакома с ним, и это могло повлиять на заинтересованность судьи.

Председатель суда с этим согласился, следом две другие судьи подали заявление о самоотводе, указав, что знакомы с потерпевшими чиновниками — одна получала в администрации ссуду на квартиру, вторая водила ребенка в школу, где потерпевшая Щукина была директором. Поскольку больше в Ярково судей не было, процесс перенесли в Тюменский районный суд. Обвиняемые возражали:

«Почему бы не судиться там, где люди знают их и нас? У нас есть право судиться там, где нас обвиняют, где присяжные знают, пусть не напрямую, но и нас, и их — и тогда бы действительно подошли к делу. Опять же, их дружеские отношения не помешали им заключить нас под стражу», — объясняет Нигматуллин-старший.

Пока муж и старший сын сидели в тюменском СИЗО, Людмила пыталась помочь им: общалась с журналистами, искала адвокатов и даже съездила однажды в Москву в Следственный комитет. У здания в Техническом переулке она застала нападение на полковника юстиции Владислава Капустина, который позже скончался. Со слов Нигматуллиной, ее привлекли свидетельницей и по этому делу.

Иллюстрация: Виктория Шибаева / Медиазона

Будем работать в дружеской обстановке

В феврале 2020 года суд собрал коллегию из шести присяжных и приступил к рассмотрению дела, и в августе те единодушно оправдали подсудимых.

Признательные показания, которые отец и сын дали вскоре после задержания, не стыковались между собой: не было понятно, когда младший сын должен был забрать канистру с соляркой для поджога, где потом оказалась эта канистра, каким маршрутом он передвигался и так далее, объясняет свою победу Елена Шихова, адвокат Валерия Нигматуллина.

«У них все обвинение строилось на том, что есть муниципальные контракты и потом произошел пожар у Поляковой — все, а каким образом причастны люди? Все свидетели в голос говорили, вот мы ничего не знаем, нам никто не угрожал, в лицо ничего не говорил, писем с угрозами не получали и вообще мы ничего сказать не можем, вот придет начальник юридического отдела [Любовь] Блем на допрос, она все расскажет. Все, как в сериале захватывающем, ждут начальника юротдела, приходит Блем и говорит: "А я что, я ничего, я вообще начинаю работать, когда появляются претензии, предшествующие судебным разбирательствам"», — говорит защитница.

Экспертизы не смогли однозначно установить, что машину Щукиных и имущество Поляковых кто-то поджигал, следов горюче-смазочных материалов найдено не было.

Одно из доказательств адвокат называет «настолько бредовой идеей, что даже не знает, кто это подписывал, чем они думали». Это скриншоты

с телефона владельца машины, арендованной Нигматуллиными в день пожара, на котором показан ее маршрут: в сочетании с данными камер этот маршрут не совпадал с тем, что описал свидетель Иванов под пытками, к тому же получалось, что после поджога машина доехала до Тюмени намного быстрее, чем могла.

«[Потерпевшие Поляковы] немножко накололись со своими собаками. Полякова в суде очень страдала, что вот, у меня сгорели собаки, я их так обожала, такой моральный ущерб, я так страдала. Окей, у тебя собаки находятся в вольере. Вот сарайка загорелась, потом еще какое-то строение, потом вольер. Ты выбегаешь на улицу, понимаешь, собаки сгорят, в первую очередь выпусти животных, правильно ведь? Она выскочила и открыла ворота, посмотрела по сторонам и забежала обратно. Это первый момент, второй: горит животина заживо, она же не будет плакать в углу тихонечко? Они будут рваться, кричать, лаять, выть, звать, так что вся деревня будет слышать. Никто из свидетелей вообще ничего не слышал, все в голос говорили, что была темная тихая ночь. То есть собаки молча сгорели якобы. И третье — когда делали пожарники осмотр, явно бы нашли кости обгоревшие, но никаких трупов животных найдено не было», — продолжает адвокат.

Она утверждает также, что у защиты была свидетельница, которую не дали допросить в суде, но которая видела, что Поляковы за неделю до пожара отвезли своих собак к деду чиновницы — попросили придержать животных некоторое время. «И вот таких моментов очень много», — заключает адвокат. Защитница говорит, что просто обращала

внимание присяжных на подобные нестыковки, а те оправдали Нигматуллиных.

Когда Нигматуллины оказались на свободе, из всех чиновников только Любовь Блем, выступления которой ждали в суде, кратко поговорила с корреспондентом «Медиазоны».

«Зачем ворошить? Они выиграли сейчас контракт, мы в хороших отношениях, хотим работать сейчас нормально, 15 миллионов, я не хочу никаких ссор — будем работать в дружеской обстановке, я так полагаю, — сказала она. — Обид не должно быть, у нас рабочая обстановка, к их семье я хорошо отношусь, надеюсь на хорошее сотрудничество».

Потерпевшие и прокуратура пытались оспорить оправдательный приговор, но областной суд оставил его в силе. Любовь Полякова, как говорят местные жители, уехала из Ярково, больше она не занимает должностей в районной администрации.

Вместо чиновников с «Медиазоной» связался Владимир Матаев — 70-летний пенсионер, больше 20 лет проработавший в прокуратуре в разных городах Сибири, он родился в Ярково и после службы вернулся сюда. Себя Матаев называет «адвокатом для бедных»:

«Дадут денег — возьму, не дадут — не возьму, не надо мне это. Я никогда не защищал ни убийц, ни насильников, никогда. Не надо мне ни за какие деньги», — рассказывает он.

В 2016 году бывшего прокурора из-за опыта в природоохранной юридической работе позвали в местную общественную палату, и он «на свою беду» согласился, стал заниматься обращениями местных жителей и довольно скоро выяснил, что в районе не работают очистные сооружения.

«Отсутствует насос. Год! Напрямую в реку сливались все нечистоты, без очистки», — возмущается бывший прокурор. Водоочистная станция, рассказывает он, находилась на балансе муниципальной компании «Стройсервис», которой руководит Александр Пропп. От него Матаев начал требовать привести все в порядок.

«Я говорю: "это мой Тобол, я местный житель. Нужно навести порядок". При чем навести порядок затрат особых не требует. Во-первых, там были бактерии, биологическая очистка, бактерии сдохли. Биофильтры не работают. Насос подачи на усреднитель не работает. Ну ничего не работает. Видят, что каких-либо... на меня... Я не успокоюсь, меня не запугаешь!» — хвастается Матаев, громкий и шебутной человек.

Летом 2018 года, вспоминает отставной прокурор, он заметил, что по его участку кто-то шел. Матаев обнаружил посторонний подсолнух — просто подсолнух, но теперь он интерпретирует его как «символ огня», потому что в ночь на 1 сентября дом Матаева подожгли.

«Облили бензином эту поленницу, это установлено экспертизой, я расследовал дела о пожаре, я знаю, что это такое. Очаг возгорания, пожарники взяли

образцы… достоверно установлен очаг возгорания, взяли образцы золы, угля и легковоспламеняющаяся жидкость, бензин, облито было, — рассказывает он. — Уголовное дело возбудили где-то дней через пять. Я получил ожоги второй степени, нуждался в госпитализации».

Хотя во время пожара, помимо получившего ожоги Матаева, в доме были и его родственники, в том числе пятилетняя внучка, дело было заведено по статье об уничтожении имущества. Бывший прокурор думает, что мотив поджога — его конфликт из-за водоочистных сооружений. *Ura.ru* со ссылкой на источник писало, что экс-главу района Щукина даже этапировали из колонии в СИЗО для допроса по уголовному делу, но подозреваемых в нем так и не появилось.

Редактор: Дмитрий Трещанин

---

1. В ста километрах на восток от Тюмени.
2. ООО РЦЦС «Сметный альянс».
3. Статья 30, часть 2 статьи 105 УК, покушение на убийство двух или более лиц общеопасным способом.
4. Федеральной антимонопольной службы.
5. Приводятся только некоторые из них, орфография и пунктуация как в оригинале.
6. Часть 2 статьи 286 УК.